

—

В день рождения Чжоу Чэнъяня почти все потомки семьи Цзинь, за исключением старой госпожи, отправились с поздравлениями.

Цзинь И и Фу Мин ехали рядом на конях, а Жэньлань с Чжаоянем следовали за ними в карете. Слуги ехали по бокам.

Чжоу Чэнъянь и несколько его двоюродных братьев встречали почетных гостей у ворот поместья. Увидев Цзинь И и Фу Мина, Чжоу Чэнъянь поспешно подошел, взял поводья, лично помог Фу Мину спешиться и с широкой улыбкой принял их благословения. Жэньлань и Чжаоянь прошли через боковую калитку во внутренний двор.

В те времена семья Чжоу процветала, поэтому гостей было много, и среди них было немало высокопоставленных чиновников. В парадном зале звенели кубки и царил оживленный гомон, а в заднем дворе витал аромат фруктов и слышались мелодичные голоса.

Среди множества молодых женщин, девушек и детей, пришедших со своими отцами, братьями или мужьями, за исключением нескольких очень влиятельных семей, Чжоу Хуаньцин встретила Жэньлань и Чжаояня с наибольшим энтузиазмом. Из-за их прежних родственных связей, хотя Жэньлань и Чжоу Хуаньцин не были особенно близки, они все же относились друг к другу с теплотой. Чжоу Хуаньцин спросила о ситуации в поместье Цзинь, и Жэньлань, посчитав это проявлением заботы, терпеливо и подробно рассказала ей обо всем. Однако на лице Чжоу Хуаньцин появилась легкая грусть. Хотя Жэньлань почувствовала некоторую странность, она не стала спрашивать.

Когда большинство гостей собрались, церемония совершеннолетия Чжоу Чэнъяня официально началась.

Для знатных юношей церемония совершеннолетия была поистине масштабным, тщательно продуманным и торжественным событием.

Цзинь И и Фу Мин сидели очень близко к главному столу и очень внимательно наблюдали за всей церемонией.

Когда господин Чжоу закончил читать поздравительную речь, и наступила короткая пауза, Фу Мин слегка наклонил голову и сказал Цзинь И: «Господин, когда вы достигали совершеннолетия, неужели тоже сто человек были свидетелями, а тысячи — благословляли?»

Фу Мин просто спросил это между делом, но Цзинь И вспомнил, как Фу Мин сообщил ему о своем 'взрослом' имени Есинь, и почувствовал легкую боль в сердце. Он взял руку Фу Мина под столом, положил ее на свое колено и продолжал гладить ее. Фу Мин сначала удивился, затем уловил успокаивающий смысл и рассмеялся: «Я тоже прошел церемонию совершеннолетия, хоть и не с такой помпой, как сегодня, но мне казалось, что это было достаточно хорошо. Господину не стоит меня жалеть».

«Ты тоже проходил? Когда? Кто проводил?» — удивленно спросил Цзинь И.

Фу Мин сказал: «Давайте поговорим об этом подробно, когда вернемся в поместье. Господин Чжоу вот-вот даст Чэнъяню взрослое имя».

Когда господин Чжоу произнес уже давно выбранное вежливое имя, все дружно похвалили его. Старшие и ровесники наперебой называли Чэнъяня по этому имени. Чжоу Чэнъянь с улыбкой отвечал, а Фу Мин, как и другие, с улыбкой позвал: «Сыфу!» Чжоу Чэнъянь с еще более сияющей улыбкой громко ответил и выпил чашу до дна. Цзинь И похлопал его по плечу и сказал: «Сыжу еще при жизни мечтала, чтобы ты повзрослел и помогал родителям. Теперь, когда ты вырос таким достойным мужчиной, ее душа на небесах наверняка радуется».

Чжоу Чэнъянь кивнул: «Я понимаю, зять. Через несколько дней я приду в ваше поместье, чтобы поклониться сестре и лично рассказать ей об этом».

«Хорошо», — с улыбкой ответил Цзинь И.

После завершения банкета, поскольку из задней части дома пришло сообщение, что у госпожи Чжоу и госпожи Цзинь еще есть незаконченные разговоры, Цзинь И и Фу Мин временно остались ждать в переднем зале. Гости постепенно расходились, и у Фу Мина появилось свободное время. Только тогда он заметил, что среди сегодняшних гостей, помимо него и Цзинь И, еще несколько мужчин, пришедших поздравить в были сопровождении своих супругов-мужчин. Судя по их поведению и выражениям лиц, некоторые из них, казалось, были влюблены, как обычные супружеские пары, другие были вежливы и отчуждены, а некоторые даже испытывали взаимную неприязнь до такой степени, что, не обращая внимания на окружающих, бросали друг на друга гневные взгляды.

Когда один из супругов-мужчин уходил со своим супругом, он оглянулся на Фу Мина, и в его взгляде, казалось, читалось зависть. Фу Мин в ответ улыбнулся и кивнул.

—

По дороге домой из семьи Чжоу, в карете, Чжаоянь, видя, что Жэньлань всегда рассеянно смотрит на неоткрытую занавеску и молчит, с недоумением спросил: «Тетушка, почему ты грустишь? Может быть, кто-то обидел тебя, когда я играл? Скажи Янь-эру, Янь-эр попросит папу помочь восстановить справедливость».

Жэньлань, услышав это, очнулась, погладила мягкие черные волосы Янь-эра, но лишь покачала головой, а затем сказала: «Никто меня не обидел».

«Тогда почему тетушка грустит?»

Жэньлань улыбнулась. Улыбка была хоть и слабой, но все же успокоила наивного ребенка: «Тетушка просто немного устала, отдохну, и все будет хорошо».

«О, раз так, Янь-эр спокоен».

Глядя на серьезное личико Чжаояня, Жэньлань не могла сдержать смеха: «Ах ты ж!» Улыбка исчезла, и на бровях снова появилась печаль.

После сегодняшнего банкета Чжоу Хуаньцин потянула ее в свою комнату и много чего наговорила. Она была шокирована, услышав это, и не знала, как возразить. Она не знала, сбудутся ли мысли Чжоу Хуаньцин, и что произойдет, если они сбудутся...

Жэньлань надеялась, что это просто болтовня.

—

Осень углублялась, и во дворе Фан Мань Тин благоухали османтусы. Недавно старая госпожа спрашивала, не зацвели ли османтусы, и Фу Мин, помня о ее беспокойстве, рано утром встал и лично сорвал лучшую ветку, выбрал фарфоровую вазу и отнес ее в комнату старой госпожи.

Старая госпожа вставала рано, и когда Фу Мин пришел, она уже позавтракала и сидела на кане, читая книгу.

Фу Мин поставил ветку османтуса, все еще покрытую росой, на столик рядом со старой госпожой. Она отложила книгу, наклонилась, понюхала ее и внимательно полюбовалась ею некоторое время, а затем с улыбкой сказала: «Действительно, во дворе Фан Мань Тине хорошая почва и вода, и ты так хорошо за ней ухаживаешь».

Старая госпожа редко читала, поэтому Фу Мин с улыбкой спросил: «Старая госпожа сегодня в хорошем настроении, что за книгу читаете?»

Старая госпожа ответила: «Я, простая женщина, что я могу читать? Просто несколько сочинений, которые я читала в детстве со своей семьей, теперь перечитываю. Но у меня старые глаза, и мне очень трудно читать эти иероглифы. Раз уж ты пришел, прочитай мне».

«Хорошо». Фу Мин взял книгу, которую отложила госпожа, и, не садясь, стоя начал читать.

Сочинение, которую госпожа только что читала, была «Чэнь цин бяо» (Прошение императору). Фу Мин начал читать с самого начала:

«Прошу, Чэнь: Я, Чэнь, по несчастью, рано столкнулся с горем. Когда мне было шесть месяцев, милостивый отец покинул меня; в четыре года дядя отнял волю у матери. Моя бабушка Лю жалела меня, одинокого и слабого, и лично воспитывала... Я, ваш слуга, должен был бы умереть, чтобы отплатить за это, и после смерти быть подобным траве. Я переполнен страхом и трепетом, поэтому я с почтением представляю это прошение, чтобы сообщить вам об этом».

Прочитав, Фу Мин спросил: «Продолжать читать?»

Старая госпожа покачала головой и ответила: «Нет». И спросила его: «Как ты думаешь, как написано это сочинение?»

Фу Мин сказал: «Это сочинение «Чэнь цин бяо» выражает истинные человеческие чувства, заставляя сопереживать».

Старая госпожа снова спросила: «А ты не находишь, что Чанцзе и автор этой статьи довольно похожи?»

Фу Мин ответил: «Хоть и есть сходство, но все же они разные».

Старая госпожа покачала головой: «Ты еще молод, не понимаешь! Наше поместье Фу, кажется, большое, но если приглядеться, сколько у нас своих людей? Разве сильно отличается от того, что сказано в этом сочинении: 'снаружи нет близких родственников, внутри нет пятифуртовых слуг, чтобы открыть дверь', все равно, что ослабевший род. Чанцзе один поддерживает это поместье герцога, и его горе и страдания намного превосходят то, что сказано в статье».

Фу Мин опустил книгу: «Старая госпожа, если у вас есть что сказать, пожалуйста, скажите прямо».

Старая госпожа вздохнула: «Ты человек понимающий, возможно, уже догадался, что я имею в

виду. В те годы мы с дедом Чанцзе были глубоко влюблены. Выйдя замуж за деда Чанцзе, я родила сначала дядю Чанцзе, а затем и его отца. В то время моя свекровь хотела привести наложницу для моего мужа, но я не хотела, и муж очень уступал мне. А также, учитывая, что у меня уже было двое сыновей, это дело было временно отложено. Кто бы мог подумать, что позже свекровь умрет, а муж и я будем соблюдать траур, и в поместье Цзинь больше не родится детей. Едва закончился траур, как мой муж заболел и умер. Сначала я проводила свекровь, затем мужа, а потом старший сын оказался прикованным к постели, а младший и вовсе... Обе невестки: одна добровольно ушла в монахини, другая умерла от тоски... Вспоминая прошлое и видя нынешнее положение поместья Цзинь, я чувствую вину перед семьей Цзинь, вину перед мужем, и днем и ночью терзаюсь раскаянием».

Услышав это, Фу Мин тоже почувствовал печаль. Он подошел к старой госпоже, легонько погладил ее по спине и мягко утешил: «В жизни бывают непредвиденные повороты. Вы всю жизнь трудились для семьи Цзинь, это было нелегко, не стоит так себя винить».

Старая госпожа покачала головой: «Мин-эр, ты еще молод, ты не понимаешь, что самое важное для семьи. Если бы нас было больше, и мы могли бы заботиться друг о друге, то ситуация не была бы такой, как сейчас, и бремя Чанцзе было бы легче».

Фу Мин на мгновение замолчал, а затем спросил: «Старая госпожа, я думаю, что я уже понял, что вы имеете в виду. Вы хотите, чтобы господин взял себе наложницу?»

Старая госпожа сказала: «Ты недолго живешь в поместье Цзинь, и теперь, когда ты наконец-то сошелся с Чанцзе сердцем, я понимаю твои чувства, ты, конечно, не хочешь, чтобы он сейчас брал наложницу. Но, имея мой печальный пример, многие вещи нельзя откладывать снова и снова». Старая госпожа немного помедлила и продолжила: «Нинсюэ раньше была хорошей, но в последние годы она становится все более неподобающей, Чанцзе, конечно, не посмотрит на нее. Синьюэ хороша, но Чанцзе не может преодолеть этот барьер в своем сердце, это тоже судьба. Причина, по которой я раньше не поднимала этот вопрос, заключалась в том, что я еще не нашла подходящую, но теперь кто-то готов поступиться своим статусом благородной девицы и добровольно стать наложницей Чанцзе. Возможно, это тоже было устроено небесами».

Услышав это, Фу Мин испытал удивление. Успокоившись, он немного подумал и спросил: «Та, о которой вы говорите, — это сестра покойной госпожи?»

Старая госпожа кивнула: «Именно Хуаньцин, это дитя. Кое-что из прошлого ты, возможно, не знаешь. Если... ладно, мы не должны скрывать от тебя то, что ты должен знать. До того, как Император пожаловал тебе и Чанцзе брачный указ, семьи Цзинь и Чжоу намеревались снова породниться. Конечно, по милости Императора, Чанцзе в конце концов взял в жены тебя, и это тоже хорошо. Ты очень хороший человек, Чанцзе не прогадал, женившись на тебе. Но Хуаньцин упряма, не хочет выходить замуж за кого-то другого, и я не знаю, как семья Чжоу это расценила, но они тоже готовы пойти ей навстречу, и два дня назад прислали человека с предложением о браке. По чувствам, мы не должны отказывать; по справедливости, это они уступили. Я думала два дня и решила, что отказать было бы невежливо. И, в конце концов, кроме некоторой несправедливости к Хуаньцин, это все-таки радостное событие. Поэтому я сначала поговорила с тобой, если ты сможешь все обдумать и согласиться, тогда и Чанцзе согласится».

Мысли Фу Мина металась, и лишь спустя долгое время он тихо ответил: «Старая госпожа, вы позвали меня спросить мое мнение или...?»

Фу Мин не успел договорить, как старая госпожа снова сказала: «Я знаю, что тебе, Мин-эр,

будет трудно сразу принять это. Но для мужчины иметь трех жен и четырех наложниц — обычное дело. Если не в этом году, то в следующем, если не эта, то другая. Более того, Чанцзе говорил мне о Жэньлань. Я изначально предпочитала семью Ван из Хэдуна, ведь брак с семьей Ван был бы полезен для семьи Цзинь. Но Жэньлань — женщина, и поместье Цзинь не имеет права жертвовать счастьем женщины в браке. Мой муж при жизни неоднократно осуждал двор за то, что он жертвовал дочерьми, чтобы умилостивить Ху и И, отправляя их за пределы страны, и я ни в коем случае не могу допустить такого. Но Чанцзе другой, он мужчина, и сейчас он единственный, кто может взять на себя тяжелую ответственность в поместье Цзинь. Будь то продолжение рода или возрождение семейного дела, он несет полную ответственность. Ты всегда был разумным человеком, и должен понимать, как его законный супруг, что это и твоя ответственность тоже».

Сначала она взывала к чувствам, затем к разуму, и, наконец, фраза «несет полную ответственность» поставила точку. Фу Мин глубоко понял, что это дело уже решено, и как бы он ни думал, он не сможет изменить факты.

В конце концов, Фу Мин лишь тихо ответил: «Я... понял, не волнуйтесь».

—

<http://bllate.org/book/12585/1118429>